

ALINA ORŁOWSKA <https://orcid.org/0000-0002-2403-1819>

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej
Instytut Filologii Słowiańskiej
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
20-031 Lublin
Pl. Marii Curie-Skłodowskiej 4a
alina.orlowska99@gmail.com

МАСОНСКИЙ ДИСКУРС О НОВОЙ РОССИИ: О СВОЕОБРАЗИИ ОБРАЗА МИРА В РУССКИХ МАСОНСКИХ УТОПИЯХ XVIII ВЕКА

THE MASONIC DISCOURSE ABOUT NEW RUSSIA: ON THE SPECIFIC NATURE OF THE FICTIONAL UNIVERSES IN THE RUSSIAN MASONIC UTOPIAS OF THE 18TH CENTURY

Идеалистические представления о государстве и человеке, сочетавшиеся с критикой существующего уклада жизни были важным компонентом споров конца XVIII века о новой России. Утопические повести А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, В. А. Левшина, А. Н. Радищева, в которых образ мира обоснован на убеждении о возможности восстановления уничтоженного порочной натурой человека гармоничного порядка мира, переводили на язык литературных образов и приемов, понятен как братьям масонам, так и профанам, ценимые масонами идеи свободы, братства и равенства. Мифический «золотой век» в понимании русских масонов относился как к прошлому, так и будущему. Восстановление гармоничного порядка гарантировалось духовным возрождением личности.

Ключевые слова: масоны, литературная утопия, общественная идея, Золотой век, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, В. А. Левшин, А. Н. Радищев

The idealistic notions concerning the state and humankind, combined with the criticism of the reality of the time, constituted a significant voice in the late-18th-century discussion about a new vision of Russia. In the utopias by Aleksandr Sumarokov, Mikhail Kheraskov, Vasily Lyovshin and Aleksandr Radishchev the shape of the fictional universe was determined by the belief that the harmonious order destroyed by the imperfection of the human nature can be reconstructed. The authors translated the ideas of freedom, brotherhood and equality into the figurative language

of literature, comprehensible both for their fellow Freemasons and for other people. In the eyes of the Russian Freemasons the mythical Golden Age embraced not only the past, but also the future. The recovery of the social order would be guaranteed by a spiritual rebirth of the individual.

Keywords: Freemasonry, literary utopias, the Golden Age, dream, Aleksandr Sumarokov, Mikhail Kheraskov, Vasily Lyovshin, Aleksandr Radishchev.

Политика Екатерина II, которая подчеркивала идейную близость с философами-просветителями Вольтером, Д. Дидро, Ж. Л. д'Аламбером и вслед за Ш. Монтескье твердила, что «свобода есть право делать все, что дозволено законом»¹, направленная на развитие государства и организацию на просветительских основах общественной жизни страны, активизировала русское общество. В итоге она способствовала росту критицизма в отношении к официальной идеологии. Обострение с течением времени оппозиционных настроений, все более ощущаемый кризис ценностей, поставили в центре внимания духовный аспект жизни и стали существенным фактором обуславливающим популярность идей вольных каменщиков в среде интеллектуальных элит:

Причины успеха масонства лежат, - подчеркивает Г. Давыдов, - прежде всего, в духовном разладе русского общества: лишенное религиозности, испытывавшее, с одной стороны, естественную тягу к вере и, с другой стороны, всепроницающий гнет рационализма, ставшего почти государственной религией – мыслящие люди устремлялись в масонство².

Масонская концепция мира и человека, с одной стороны, выдвигала на видное место убеждение об его несовершенстве, с другой, – ставила перед посвященными в масонство задачу внутреннего самосовершенствования в стремлении к постижению полной гармонии бытия, те. высшей формы существования, способствующей более глубокой рефлексии над самим собой и миром, предопределяющей развитие философии, литературы и культуры.

Совершенный человек, в котором «как солнце в малой капле вод»³ отражалось величие Бога – творца мира, учили масоны, устремляясь к постижению полной гармонии с космосом, должен постоянно сосредоточиваться на сущности своего бытия, своей духовной натуре. Г. В. Вернадский

---

¹ Ш. Монтескье, *О духе законов*, ч. 2, кн. XI, гл. 3, с. 145, „Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 41“. *Orthodoxien und Häresien In den Slavischen Literatur*, [электронный ресурс] <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye. O dukhe.pdf> [3.09.2018].

² Г. А. Давыдов, *Поэзия М. М. Хераскова и религиозные искания русских масонов*, [в:] *Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века*, ответств. Ред. В. И. Сахаров, Москва: Эдиториал УРСС 2000, с. 131.

³ Г. В. Державин, *Бог*, [в:] *Русская поэзия XVIII века*, Москва: «Худоожественная литература» 1972, с. 566.

в монографии *Русское масонство в царствование Екатерины II* констатирует: «... если человек микрокосмос, это значит только то, что его физические качества суть зачатки элементов вселенной, все духовные его качества – отражение тех же элементов; все это символы, которые надо раскрыть»⁴.

Состояние полной гармонии человека (микрокосмоса) с миром (макрокосмосом) было доступно избранным лишь путем усердной работы над самим собой, позволяющей постичь тайну жизни, освобождающую личность от суеты мира (т. е. обработке «дикого камня» с целью придать ему совершенную «кубическую форму»). Достижение высшего, духовного сознания мыслилось гарантией постижения сущности замысла Творца. Познавая самого себя, масон приближался как к недоступной для профанов правде, так и обретал надежду на возрождение погруженного в хаосе падением Адама Золотого века, царства Астерей, в котором должна была возродиться извечная гармония.

Масоны мыслили себя частицей мира гармонии, который управлялся натуральным правом, гарантирующим равенство всех его компонентов:

Себя я почитаю гражданином света, а свет весь одним градусом, в котором я живу [...] Люди одарены разумом, который поучает, что делать и как поступать нам; поэтому и имеем общий естества закон, – твердил вступающий в ложу, отвечая на вопрос о причинах его прошения, – естли ж общий закон мы имеем, то мы сограждане; а естли сограждане, то общее и право мы имеем одно право гражданства, должны почитать свет одним и общим роду человеческому городом⁵.

Стремление к восстановлению разрушенного человеческой слабостью гармоничного миропорядка считалось обязанностью масона, долгом посвященных в тайну понимать слабости человека. Выдвигая на первый план идеи свободы, братства и равенства, масоны стремились к решению моральных проблем по модели общественного порядка ложы⁶. В «Магазине свободно-каменьщическом» читаем: «тот только действительно свободен, кто разумен и добродетелен, или кто повинуется законам и исполняет свои должности»⁷. Эти идеи не разрушали существующую систему, но призывали

---

⁴ Г. В. Вернадский, *Русское масонство в царствование Екатерины II*, Петроград 1917, репринт. изд. Санкт-Петербург: Издательство им. Н. И. Новикова 1999, с. 203.

⁵ Фрагмент ответа вступающего в ложу во время церемонии приобщения. Рукописный отдел Российской Национальной Библиотеки, Санкт-Петербург, Ф.487, Q.216. лл. 33–33 об. Цит. по: Г. В. Вернадский, *Русское масонство в царствование Екатерины II...*, с. 217.

⁶ Т. О. Соколовская, *Масонские системы*, [в:] *Масонство в его прошлом и настоящем*, т. 2, Москва: Издание «Задруги» и К. Ф. Некрасова, 1915, с. 52–54.

⁷ *Опыт о таинствах и подлинном предмете Свободного Каменьщического*, «Магазин свободно-каменьщической», т. 1, ч. 1, Москва: В типографии И. Лопухина, с указного дозволения 1784, с. 41.

к готовности служить другому, понимать несовершенство человеческой природы, не отвечать злом на зло.

Идея восстановления миропорядка путем совершенствования человеческой природы нашла отражение в утопической прозе писателей масонов. Вышедшие в свет в последние десятилетия XVIII века утопии переводили ценимые в масонских кругах идеи трактатов П. Гольбаха и Л.-К. Сен-Мартена на язык литературных образов, понятный также непосвященным в тайну орденских учений. Возникавшие в период споров о новом порядке российского государства масонские утопии были заодно формой вербализации взглядов, оппозиционных по отношению к официальной доктрине монархии, и иллюстрацией процесса освоения их философской концепции и ее соотнесенности с реальной жизнью России конца столетия.

Писатели масоны стремились, как известно, используя потенциал художественных творений, распространять свои философские представления о человеке и миропорядке. Перед поэтом-масоном ставилась задача просвещать братьев, совершенствовать их разум и чувства, вести к познанию высших ценностей⁸. Такая концепция творца и творческого процесса, позволявшая как толковать парадоксы духовной жизни, так и критически относиться к просветительскому рационализму, кажется, в масонской среде в конце XVIII века обладала особой привлекательностью. Мистико-философское учение вольных каменщиков о сущности и смысле человеческого существования, план создания нового порядка жизни общества, основанного на идее «истинного христианства» и учении о «внутренней церкви»⁹, проявляется в более или менее открытой форме в поэзии, прозе, журналистике и других областях творческой активности масонов¹⁰.

Орденское учение о человеке – сущности Бога-строителя, великого архитектора, соотношениях человека с Богом, миф о Золотом веке – реализующем мечту о постижении вечного счастья, легли в основу масонских утопий, проектирующих идеальный общественный порядок, гарантирующий всеобщее благополучие. Конструируя проект идеального общества будущего и справедливого государства, русские масоны ориентировались

---

⁸ В. И. Сахаров, *Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века*, Москва: «Жираф» 2000, с. 10.

⁹ О. Гончарова, *Херасков и масонская религиозность*, «Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 41». *Orthodoxien und Häresien In den Slavischen Literaturen*, Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien 1996, с. 7.

¹⁰ В. И. Сахаров, *Концепция человека в философии русских масонов*, «Дельфис» № 12(4/1997), [электронный ресурс] <http://www.delphic.ru/journal/article/kontseptsiya-cheloveka-v-filosofii-russkih-masonov> [5.09.2018].

на европейские образцы¹¹. На протяжении времени их утопическая концепция, сохраняя свои основные компоненты, пополнялась все новыми деталями, указывающими как на эволюцию взглядов вольных каменщиков в этой области, так и их смещение на более радикальные позиции.

В основу сюжета небольшой повести А. П. Сумарокова *Сон. Счастливое общество*, напечатанной в журнале «Трудолюбивая пчела» за декабрь 1759 года, положен традиционный мотив утопической повести – сон. Засыпая, повествователь переносится в ближе неопределенное идиллическое пространство. Сам пограничный момент между явью и грезой остается неясным – все произошло «некогда». Благостный характер сновидений обозначается троекратным намеком на то, что все рассказываемое – мечта воображения о всеобщем благополучии:

Заснув некогда, увидел я в успокоении моем мечтание благополучия общества, приведенного в такое состояние, какого несовершенство естества достигнуть может. Был я в мечтательной стране и рассмотрел подробно мечтательное оныя благосостояние¹².

Однако, повествователь, несмотря на комфорт своего положения, сильно ощущает свою чуждость. Он воспринимает себя лишь гостем в стране грез, странником, перед которым открываются все новые достоинства образа жизни счастливой страны (сущность происходящего подчеркивает многократное повторение слова «там / тамо»). Жажда познать сокровенное ведет его неспешно к осознанию правил, на которых обосновывается жизнь «счастливой страны». Залогом идиллического благополучия является обусловленный традицией рациональный порядок, в рамках которого мудрый и справедливый владетель, поставив на первое место не свою пользу и славу, но добро народа, стоит на страже узаконенной опытом предков разумной модели общественного уклада:

Сей государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной пользе, кроме истинной своей славы, никогда не думает. Благочестие, не допускающее примеситься себе суеверию, в сей стране есть основание всего народного благополучия¹³.

В этом мире царит всеобщее равенство. Все, без исключений, основывается на едином законе, дисциплине и моральном кодексе. Каждому сословию

---

¹¹ *Słownik terminów literackich*, pod red. J. Sławińskiego, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo 1988, с. 551; В. С. Шестаков, *Эволюция русской литературной утопии*, [в:] *Русская литературная утопия*, Москва: Издат. МГУ, 1986, с. 5–13.

¹² А. П. Сумароков, *Сон. Счастливое общество*, [в:] *Русская литературная утопия*, Москва: Издат. МГУ 1986, с. 33.

¹³ Там же, с. 33.

приписаны особые повинности. Дстойные уважения духовные лица, остава-
ясь эталоном гражданских добродетелей, не вмешиваются в государственные
дела. Сановник, судья, полководец и простой солдат, каждый по своему, за-
ботится об общем благе. Каждый гражданин оценивается лишь по своим
личным заслугам:

Дети тамо за отеческие прислуги не наказываются, а за услуги не награждаются.
Не имеют там люди ни благородства, ни подлордства и преимуществууют по чинам
данным им по достоинствам, и столько же крестьянский сын имеет быть великим го-
сподином, сколько сын первого вельможи. А сие подает охоту ко нисканию достоин-
ства, ревность ко услугам отечеству и отвращение от тунеядства¹⁴.

Основные нормы, на которых основывается организация общества,
прекрасно усвоены всеми согражданами, собраны в небольшой книжечке
(«книга узаконений их не больше нашего календаря»). Пределы свободы
отдельной личности определяются идеей «чего себе не хочешь, того и дру-
гому не желай» и напоминанием о воздаянии за добродетель и наказании
за нарушение закона.

«Инакость» счастливой страны сонных грез сопровождается намеками
на сильно ощущаемый контраст с личным опытом протагониста. Этим при-
емом актуализируется публицистический подтекст *Сна*, который по ходу
сюжета приобретает характер сатиры на русский порядок жизни или, как
пишет В. Сахаров, «сатирического монтажа утопических контрастов»¹⁵.

Во сне героя Сумарокова предвещается возврат к постижению полной
гармонии как с извечным порядком, основанным на естественном праве,
так и масонском учении. Освобождение от суеты мира мыслится протаго-
нистом заодно концом и началом, несет надежду на восстановление Золо-
того века¹⁶ и создание идеального общественного порядка, основанного на
всеобщей свободе, равенстве и братстве.

Замысел писателя, активного масона, обнаруживается в финале *Сна*.
Задача воздействовать на стремление к активности на поприще морального
возрождения человека, следовательно, и общества/государства по желаемой
модели, ставится перед посвященными в тайну. Эта идея подчеркивается
звуком колокола, который переносит повествователя в реальный мир. Ко-
локольный звон одновременно оказывается границей между явью и сонной

¹⁴ Там же, с. 34–35.

¹⁵ В. Сахаров, *Иероглифы вольных каменщиков...*, с. 106.

¹⁶ Ю. В. Солженицина, «Сон, щастливое общество» А. П. Сумарокова: к проблеме вер-
бального кода русского масонского текста, «Вестник Волгоградского государственного уни-
верситета», сер. 2. Языкознание, 2011, № 2 (14), с. 37.

грезой и вещим вечевым словом, подчеркивающим как значимость момента, так и призывающим к деятельности во имя светлого будущего:

Больше мне еще грезилося; но я живу под самую колокольню; стали звонить, и меня разбудили, и лишили меня приятнейшего привидения. Дай Боже, чтобы сны, подобные сну сему, многим виделися, а особенно наперсникам фортуны¹⁷.

Утопии, возникавшие в 80-е годы XVIII века, в контексте все более отчетливо проявляющегося падения мифа величия России, отражают процесс обострения общественно-философских позиций масонов.

Михаил Херасков, фиксируя нарастающее негодование явлением фаворитизма при дворе Екатерины II, обратился к популярному в то время жанру восточной повести. Восточная маска и прем контрастного сопоставления реального и желаемого образов способствовали как сатирическому осмыслению проблем современной жизни России, так и изложению проекта идеальной модели государства¹⁸.

В основу сюжета повести *Золотой прут* (1782) легли похождения визира Альбекира. Приключения друга и фаворита Шаха-Богема, затем изгнанника, мудреца, в заключительных сценах придворного шута, с особой силой рисуют гротескно-сатирический образ придворных отношений. Царствующая при дворе фальшь, лицемерие и цинизм придворных стремящихся добиться внимания шаха, абсолютное пренебрежение долгу перед родиной, оттеняет истинное благородие пустынного Маготеософора. Случайно встреченный Албекиром во время скитаний странный старец по ходу действия становится его учителем и наставником, а затем духовным отцом, который ведет его к постижению смысла жизни. Обетованной райской страной представляется в повести Хераскова родина Маготеософора, мифическая Кашемирия. В недоступной, так пропавшей, как и желаемой стране (для Маготеософора она прошлое, для Альбекира будущее), царит благополучие, равенство, уважение к другому человеку, а взаимоотношения всех без исключения граждан определены законом. Однако вход в нее в данный момент невозможен. Он откроется лишь тем, кто способен, очистив сердце и разум от мирской суеты, осмыслить мир как положено. В финале своих скитаний Албекир с горечью констатирует, что и его родина, в которой восторжествовали человеческие пороки, обречена на гибель. Именно поэтому премудрый Маготеософор призывает

¹⁷ А. П. Сумароков, *Сон. Счастливое общество...*, с. 36.

¹⁸ Т. В. Артемьева, *Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова*, [в:] *Философский век. Российская утопия. От идеального государства к совершенному обществу*, «Альманах», вып. 12, Санкт-Петербург 2000, с. 34.

своего ученика отречься от мира, пока не совершится его возрождение: «Оставим, Албекир, людей нынешнему их жребию, будет время, когда снидет с небес Премудрость, просветит умы и род человеческий, или часть оного, учинит благополучно»¹⁹.

Василий Левшин в *Новейшем путешествии, сочиненном в городе Беллеве* (1784) сопоставляет две концепции организации общества и взаимоотношений сограждан. Нарсим – просветитель, убежденный в превосходстве земной цивилизации и привилегированном статусе обитателей Земли во вселенной, во сне с помощью созданного им аппарата переносится на Луну. Гениальный странник с самого начала своего странствия подчеркивает просветительское значение затеянного дела. Именно он – ученый просветитель, укажет первобытным народам дорогу к светлому, разумному будущему. Поведение селенитов, однако, выворачивает наизнанку его замыслы. Селениты, величая его с момента первой встречи загадочным словом «Квалбоко», называют его героем и воспевают его подвиг. По ходу действия он открывает, что это имя их непокорного согражданина, который, вопреки воле родоначальника, обуянный жаждой познания, отправился на Землю. Возвращение Квалбоко обнажает иллюзорность представлений Нарсима о превосходстве земной цивилизации.

Путешествия просвещенного землянина на Луну и селенита на Землю ставят в итоге бок о бок две модели общества: основанного на извечном праве природы и построенного на рациональных основах. В обоих случаях их оценка дается с позиции странника, который жаждет познать сущность чужого мира. В обоих случаях исследуемый ими мир оказывается для них неожиданностью.

Нарсим, ученый муж, которого на Луну повела жажда просветить первобытное общество, с удивлением констатирует, что мир, который он намеревался совершенствовать – Аркадия. Идиллическая жизнь лунатинцев основана на беспредельной вере всех сограждан в мудрость Творца. Он вскрывает все новые доказательства превосходства системы, основанной на натуральном праве. На Луне, подчеркивает старец Фролагий, царит всеобщая гармония, нет ни зависти, ни корыстолюбия:

[...] мы признаем всемогущего творца, создавшего все сии чудесные предметы, ежеминутно встречающиеся глазам нашим, и отнюдь не сомневаемся, чтоб причина им была, кроме всеильной воли бога [...] закон естественный начертан неизгладимыми буквами в душах наших. [...] закон наш очень краток и нетруден к исполнению: всяк разумеет, что должно любить бога, яко благодетеля, а ближнего как самого себя, ибо через

---

¹⁹М. М. Херасков, *Золотой прут. Восточная повесть*, Москва: Унив. тип. Н. Новикова, 1782, с. 258–259.

то приобретет и от него любовь к себе; а тем избавится от многих досад, неминуемо происходящих по нарушении сей заповеди»²⁰.

Те, кто противопоставил натуральному праву основанную на рационализме иерархическую модель общественного уклада жизни, были давным-давно изгнаны в мрачную сторону Луны и обречены на нищенское существование. Контраст обеих цивилизаций становится еще ярче, когда кающийся Квалбоко представляет своим соплеменникам ужасающую картину погруженной в хаос Земли, где царствуют война, вражда и злоба, каждая ценность и идея оспариваются, а жизнь и счастье отдельной личности обуславливается хотениями тех, кто поставлен выше. На Луне все живут мирно, равенство основано на «премудром расположении связи миров, учрежденном творцом всего к взаимной выгоде». Именно поэтому вопросы гостя о системе правления, организации общества вызывают лишь недоумение. Увенчанный дубовым венцом, почитаемый всеми старец Фролагий подчеркивает, что жители Луны не нуждаются в познании потаенных «премудрых намерений творца». Им чуждо умствование, они убеждены в необходимости трудиться ради общего благополучия: «у нас не приобщающий руками своими пищи считается ненужной тягостью для земли»²¹. Комментарием, усугублявшим превосходство лунной системы, остаются мысли Нарсима, которому неоднократно приходилось краснеть от стыда: «Вот как разумеют здесь [...] плод трудов моих! Боже мой! Сколько б людей посадили на хлеб и на воду, если бы хотя одну Академию нашу отдали сюда на свидетельство!»²².

Квалбоко, рассуждая о своих впечатлениях от путешествия, дополняет констатации Нарсима новыми деталями. Земля явится ему красивой, обильной, но страшной – повсюду царит золото, умствование, насилие и война, приводящие к разладу и падению нравов. В турецкой земле он золотыми пуговицами выкупился от преследований духовных лиц. В России, которая в первый момент показалась ему мирной страной, управляемой мудрой и доброй монархиней, его обокрали.

В итоге повесть Левшина о странствии на Луну, органически сочетавшая приемы утопии и антиутопии, завершается полным горечи выводом протагониста. Умствование ведет к уничтожению благоустройства миропорядка, заблуждению и падению нравов. Общества и каждый

---

²⁰ В. А. Левшин, *Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве, [в:] Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века*, Москва: «Молодая гвардия» 1977, с. 81–83.

²¹ Там же, с. 81–82.

²² Там же, с. 82.

человек в отдельности, обуянные мечтой о богатстве и владении миром, забывшие об опасности порожденных умствованием ложных идей, обречены на погружение в хаосе. Она [повесть Левшина – А. О.], пишет Б. Ф. Егоров, «как лоскутное одеяло, сшито из фантастики, утопической идеальной картины мироустройства, гиперболической сатиры - и дифирамба Екатерине II»²³.

Метафорой странствия масона в поисках причин краха России конца XVIII века является, вызвавшее гнев императрицы, *Путешествие из Петербурга в Москву* (1785–1786) Александра Радищева.

Прием путешествия, разделение повествования на отдельные главы по названиям почтовых станций, позволил создать многоплановую картину жизни России времен Екатерины II. Яркие сатирические зарисовки быта и нравов дворян, картины бесправия и произвола людей власти, которые злоупотребляют ею, нищенского положения народа, становятся фоном для выявления, как идейных убеждений писателя, активного масона, так и его проекта нового порядка организации общества. Для Радищева «зло – не исключение [...], а правило самодержавно-крепостнического строя», источником которого является самодержавная власть и крепостное право²⁴.

Состоявшая из трех частей глава *Спасская Полесь* (сказки чиновника, услышанной путешественником на почтовой станции, его разговора с молодым человеком, просившим о деньгах, и его сна, в котором он видит себя властелином государства) – своеобразный диалог путешественника с самим собой, нацеленный на поиски ответа на вопрос об источниках разлада русского государства.

Сказка чиновника о казначее – любителе устриц по сути дела горькая сатира на падение нравов в России. Взяточник, обманщик, освоивший умение вкрадываться в ласки владетеля и использующий свой чин ради личных интересов, разрушает мирное существование общества:

Вот, жена, – говорил мужской голос, – как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я службу беспорочно, не подамся вперед ни на палец. По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалуется, а псарь не жалуется. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату. Когда бы я с ним был заодно, то бы было не житье, а масленица²⁵.

---

²³ Б. Ф. Егоров, *Российские утопии. Исторический путеводитель*, Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ» 2007, с. 105.

²⁴ Д. Д. Благой, *Писатель-революционер XVIII века*, [в:] А. Н. Радищев, *Путешествие из Петербурга в Москву*, Москва: «Детская литература» 1971, с. 25.

²⁵ А. Н. Радищев, *Путешествие из Петербурга в Москву*, Москва: «Детская литература» 1971, с. 57–58.

Вывод повествователя в этот момент однозначен – виновником разлада в государстве является человек и его порочные нравы. Судьба молодого человека, которому злоупотребления чиновников разрушили счастье и обрекли его на страдания, в первый момент активизируют путешественника к защите пострадавшего («Я напишу жалобницу в высшее правительство. Уподроблю все происшествие и представлю неправосудие судивших и невинность страждущего»). Однако вслед за этим появляется другая мысль – о невозможности, в рамках существующего уклада общественной жизни, защиты от преследований властей безвинного гражданина и горькая констатация, что виной всему оказываются не порочные человеческие нравы, а организация государства:

[...] не могу ли я принять на себя его защиту? – Но жалобницы от меня не примут. [...] потребуют от меня верующего письма. – Какое имею право? [...] И на сие надобно верующее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страдает мой согражданин? [...] Он человек: вот мое право, вот верующее письмо. – О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров? Они, крестясь во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущия казни, усугубил бы казнь настоящую и, совесть, возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денно-ночно, доколь страданием своим не загладят все злое, еже сотворили²⁶.

Во сне путешественнику, который видит себя владетелем на престоле, открывается сущность нерадений в мире людей. Виной всему оказываются не отдельный человек и его слабости, не государственная система, а тот, кто поставлен Всевышним на страже миропорядка, т.е. порочная натура самого владетеля. Царский венец и скипетр – не обозначают беспредельной власти и почестей, они суть символы обязанностей:

Теперь ясно я видел [...] что почести мирские суть пепл и дым [...] обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моя обязанности, познал, откуда проистекает мое право и власть. Вострепетал во внутренности моей, убоялся служения моего²⁷.

И если в заключении сна, обращаясь к правящим, повествователь с горечью констатирует факт, что «виденная [...] странница [Прямовзора – мое А. О.] отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается»²⁸, то затем в двух главах *Хотилов* и *Выдронуск* (в обоих появляется подзаголовок *Проект в будущем*) он представляет основанную на признаваемых масонами ценностях

²⁶ Там же, с. 62.

²⁷ Там же, с. 70.

²⁸ Там же, с. 71.

модель идеального миропорядка. В обоих случаях слово передается автором некоему «гражданину будущих времен», чьи бумаги случайно оказываются в руках путешественника. Просматривая найденную рукопись, он выражает солидарность с его проектом реформ преобразующих Россию в страну наслаждающуюся внутренней тишиной:

[...] отечество наше есть приятное божеству обиталище [...] неизвестны нам вражды, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, истинно братьями друга друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога. [...] Равновесие во властях, равенство в имуществвах отъемлют корень даже гражданских несогласий. Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховных власти [...] предупреждает даже и бесхитростные злодеяния. [...] Наслаждаясь внутреннею тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития²⁹.

И так, полная отмена крепостного права уничтожит рабство и обеспечит мирное сосуществование общества, следовательно, введет в жизнь масонскую идею братства, равенства и свободы. Затем в главе *Выдропуск* образ светлого будущего дополняется идеей уничтожения придворных чинов. Гражданин будущего на первый план ставит мысль о том, что сущность власти заключается не в пышности его окружения, а в мудрости правления.

Радищев, пишет Егоров, «в своих поразительно смелых утопиях [...] был фактически одинок»³⁰. Тем не менее, утопические повести принадлежавшие перу писателей знаменитых масонов, возникавшие на протяжении последних десятилетий века, обнаруживают воздействие заманчивых масонских идей братства, равенства и свободы на нарастание критицизма по отношению к существующему в России миропорядку.

References

- Artemieva, Tatiana V. *Sofiokraticheskie idealy i epistlogicheskie utopii Mikhaila Khieraskova*. In: *Filosofskii vek. Rossiiskaya utopia. Ot idealnogo gosudarstva k sovershennomu obschestvu*, "Almanakh", вып. 12, Санкт-Петербург, 2000: 14–47.
- Blagoj, Dmitrii D. *Pisatel-revolutsyoner XVIII veka*. In: A. N. Radishchev. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu*. Moskva: "Dietskaya literatura", 1971: 3–40.
- Davydov, Georgii A. *Poeziya M. M. Khieraskova i religioznyje iskania russkikh masonov*. In: *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka*, ed. V. I. Sakharov. Moskva: Editorial URSS, 2000: 130–143.
- Dierzhavin, Gavriil V. *Bog*. In: *Russkaya poeziya XVIII veka*. Moskva: "Khudozhestvennaya literatura", 1972: 565–568.

²⁹ Там же, с. 124.

³⁰ Б. Ф. Егоров, *Российские утопии...*, с. 109.

- Goncharova, Olga. "Khieraskov i masonskaja religioznost". *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 41. Orthodoxien und Häresien in den Slavischen Literaturen*, Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 1996: 5–24.
- Yegorov, Boris F. *Rossiiskie utopii. Istoricheskii putevoditel*. Sankt-Peterburg: "Iskusstvo SPb", 2007.
- Khieraskov, Mikhail M. *Zolotoi prut. Vostochnaya povest*. Moskva: Univ. Tip. N. Novikova, 1782.
- Lovshin, Wasilii A. *Noveysheye puteshestvie, sochinennoye v gorode Beleve*. In: *Vzglyad skvoz stoletiya. Russkaya fantastika XVIII – pervoi poloviny XIX veka*. Moskva: "Molodaya gvardia", 1977: 69–90.
- Monteskye, Sharl. „O dukhe zakonov”. *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 41. Orthodoxien und Häresien In den Slavischen Literatur*, [http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye. O dukhe.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O_dukhe.pdf)
- “Opyt o tainstvakh i podlinnom predmete Svobodnogo Kamienshchichestva”. *Magazyn svobodno-kamiensh-cheskoi*, Vol. 1, s. 1. Moskva: V tipografii I. Lopuchina s ukazannogo dozvoleniya, 1784: 25–60.
- Radishchev, Aleksandr N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu*. Moskva: "Dietskaya literatura", 1971.
- Sakharov, Vsevolod I. *Hieroglify volnykh kamienshchikov. Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka*. Moskva: "Zhiraf", 2000.
- Sakharov, Vsevolod I. "Kontseptsiya cheloveka v filozofii russkikh masonov". *Delfis*, no. 12 (4/1997). <http://www.delfhic.ru/journal/article/kontseptsiya-cheloveka-v-filosofii-russkih-masonov>
- Słownik terminów literackich*, ed. J. Sławiński. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1988: 55.
- Shestakov, Vyacheslav S. *Evolutsiya russkoi literaturnoi utopii*. In: *Russkaya literaturnaya utopiya*. Moskva: Iz-dat. MGU, 1986: 5–13.
- Solzhenitsina, Yuliya. V. "Son, shchastlivoye obshchestvo" A. P. Sumarokova: k probleme verbalnogo koda russkogo masonskogo teksta". *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. 2. Yazy-koznaniye, no. 2 (14, 2011): 35–39.
- Sokolovskaya, Tira O. *Masonskie sistemy*. In: *Masonstvo v yego proshlom i nastoyashchem*, vol. 2, Moskva: Izdanie "Zadrugi" i K. F. Niekrasova, 1915: 52–80.
- Sumarokov, Aleksandr P. *Son, schastlivoye obshchestvo*. In: *Russkaya literaturnaya utopia*. Moskva: Izdat. MGU, 1986: 33–36.
- Vernatskii, Georgii V. *Russkoe masonstvo v tsarstvovaniye Yekateriny II*. Petrograd, 1917, reprint. izd. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo im. N. Novikova, 1999.